

Богатыри

Поэма-сказка
по мотивам русских былин

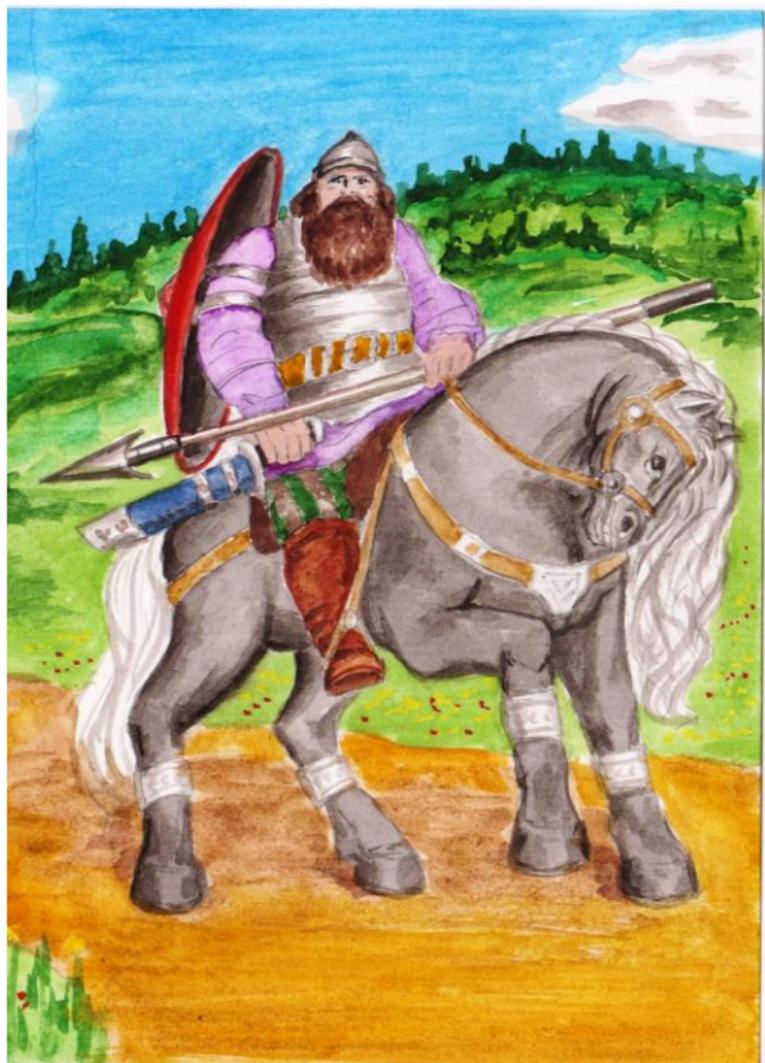

Александр Степанов

**Моим любимым женщинам:
бабушке Анисье Сергеевне Бунеевой,
маме Нине Павловне,
жене Валентине,
дочери Евгении Шаймуратовой,
внучке Карине Шаймуратовой.**

Б О Г А Т Ы Р И

Как-то раз слова, как гири,
обронил в сердцах Сварог:
«Я ль не самый главный в мире
и не самый сильный бог?
Говорю вам: стыдно, братья,
драться лишь да пить вино,
люди шлют с земли проклятья
мне и вам давным-давно.
С той поры, как нашей волей
мы им разум дали в дар,
загуляло зло, как в поле
по сухой траве пожар.
Мы готовили им счастье,
получилось – как всегда:
без присмотра и без власти
только горе и беда.
Нет по всей земле закона,
кто сильнее – тот закон.
Вот и лезут к ним драконы,
почитай, со всех сторон.
Жгут огнём поганым хаты,

жрут в три рта крестьянский скот
и ни в чём невиноватый
губят праведный народ.
Потому хочу я, братья,
вас на Русь послать скорей,
жизнь там сделайте приятней,
чем за пазухой моей».

И послушны старшей воле
боги кликнули коней,
те по небу, как по полю,
понесли богатырей.
На Руси народ убогий,
наблюдая звездопад,
говорил: «Наверно, боги
нам опять бедой грозят.
Знать, опять придёт татарин
за поживой по весне,
или идол злой Тугарин
загуляет по стране».

А у бедного народа
на Руси защиты нет
от врагов, от недорода
и от прочих зол и бед.
Правда, в Киеве престольном,

сев на свой законный трон,
правит князь Владимир, только
не заступник людям он.
Лишь застольем да пирами
прославляет княжий двор.
В это время за лесами
объявился новый вор.
У Смородины у речки,
чья вода земли черней,
на дубу, словно на печке,
сел разбойник Соловей.
С той поры сюда тропинки
замуравлены лежат,
птицы, словно на поминках,
не поют и не свистят.
А разбойник без натуги
правит свой неправый бал:
всех больших людей в округе
оплевал и освистал.
Криком-посвистом звериным
Одихманта злобный сын
убивает, как дубиной,
жён невинных и мужчин.
То ли ветер в поле свищет,

по-мальчишески резвясь,
то ли зверь по лесу рыщет,
за деревья хоронясь,
то ли дождь косые ноги
расставляет вдаль и вширь,
то ли скачет по дороге
неизвестный богатырь?
Закричали соловьята
из соловьего гнезда:
«Поспешай скорее, тата,
кто-то едет к нам сюда.
По всему видать, что в силе,
коли мчит во весь опор.
Может, то Добрыня или
русский витязь Святогор»?
«Не пугайтесь, ребятишки, –
засмеялся Соловей, –
эти жалкие людишки
дохлой мухи не страшней.
И у этого на роже
вижу рабскую печать,
про такого вам не гоже
во все горло верещать.
Ну, какая с него взятка,

голодраный, как вся Русь,
ладно, свистну для порядка,
хоть немного развлекусь».

И беды своей не зная,
он пустил змеиный шип.
Полетела пыль густая
выше ясеней и лип.

С корнем вырвало три дуба,
ну, а мелочи не счесть.
Веселиться душегубу,
знать, серьёзный повод есть.

Пыль осела, соловьята
смотрят через бурелом:
«Шип змеиный, видно, тата,
мужичине нипочём.

Как скакал он, так и скачет,
знать, воистину силён,
засвисти скорей, иначе
заберёт он нас в полон».

«Ну, чего вы застонали, —
оборвал их Соловей, —
не таким рога ломали
и сшибали с лошадей».

И своей беды не зная,
он пустил соловий свист.
Затряслась земля сырая,
как осины зябкий лист.
Солнце спряталось за пылью,
утопив в ней ясный взгляд,
с перепуга волки взвыли,
растеряв во тьме волчат.
Затрубил вдали сохатый,
застонал седой медведь,
будто к ним пришла за платой
посреди веселья смерть.
Птицы падали на травы,
словно спелые плоды,
словно люди от отравы
или пакостной бурды.
Пыль осела понемногу,
снова крик в гнезде и вой:
«Тата, скачет по дороге
мужичина за тобой».
«Цыц, не каркайте, вороны», —
Соловей сорвался в крик
и в порядке обороны
испустил звериный рык.

Всё в одну смешалось кучу
от небес и до земли:
по реке поплыли тучи,
как по морю корабли.
По степи, кусты сжигая,
припустилось солнце вскачь,
а за ним луна, стеною,
покатилась, как калач.
Горы вздрогнули от страха
и тотчас же из-за туч,
словно головы по плахам,
покатились камни с круч.
Завалили перевалы
и долины славных рек,
по которым раньше плывал
в гости русский человек.
И на целое мгновенье
отступила жизнь назад:
птицы, звери и растенья
бездыханные лежат.
Среди лета злая вьюга
налетела, словно тать,
бьёт наездника в кольчугу,
как копьём, ядрёна мать.

Улеглась немного буря,
будто девичья печаль,
Соловей, глаза прищуря,
снова зорко смотрит вдаль.
Видит, скачет бездорожьем,
как и прежде, мужичок.
Соловей сбежал бы, может,
да поднять не в силах ног,
засвистал бы вновь, да губы
вдруг свело, как от вина.
Знать, паскуднику не любя
скорой смерти желтизна.
Усмехнулся вкривь проезжий:
«Это кто тут верещал?
Соловьёв таких я прежде
почему-то не встречал.
Может, стоит потягаться,
побороться с птицей в круг,
только с нечистью вязаться
мне сегодня недосуг.
По прямой дороге еду
город Киев посетить,
у Владимира к обеду
позарез мне надо быть.

Не коси поганым оком,
не мешайся, волчья сыть,
я могу ведь ненароком
поломать и пришибить».

Закричали вдруг с вершины
соловьята, как коты:
«Тата, тата, с мужчиной
не сражайся лучше ты.
Уступи ему дорогу,
пусть идёт своим путём.
Мужиков в округе много,
мы себе других найдём».

«Брысь, сопливые паскуды, –
рявкнул гневно Соловей, –
не уйду теперь отсюда,
хоть и до смерти убей».

«Коли так, придётся биться, –
мужичок сказал в сердцах, –
что за дьявольская птица,
неразумный, видно, птах».

Булава, взлетев как мячик,
опустилась точно в глаз.
Дураков учить иначе
бесполезно иной раз.

Слез с коня мужик устало,
привязал к седлу врага,
проворчал: «Уж лучше, малый,
ты б ударился в бега.
А теперь тебя в столицу
заберу с собой в полон,
там отдам разбойной птицей
князю нашему поклон».
И опять помчался споро
по дороге мужичок.
Конь леса, моря и горы
пропускает между ног.
«Не скачи, как за бедою, –
расстонался Соловей, –
придержи коня уздою,
жизнь соловью пожалей.
Развяжи на время руки,
дай напиться из реки,
по грехам такие муки
непомерно велики».
«Ой, не жалобись напрасно, –
мужичок ему в ответ, –
сказки слушать мне и басни
никакой охоты нет.

Иль ты ратников могучих
не гонял среди степей,
или ты людей не мучил,
иль не бил богатырей?»
«Это верно, не боялся
ни мечей я и ни пик.
И откуда только взялся
ты на горе мне, мужик?»
Богатырь к врагу склонился,
сел удобнее в седле:
«Я на горе псам родился
в Карачарове селе.
Это там, где город Муром
украшает Русь собой,
где без войн живет и дури
испокон народ честной.
Только мне Господь с рожденья
хворь-беду послал в удел,
тридцать лет я без движенья
на печи, как пень, сидел.
Говорил отец: «Подмогу
от тебя я ждал, сынок,
не угодно, видно, Богу,
чтоб пахать ты мне помог,

чтоб дрова готовить в зиму,
чтобы сено класть в стога.
Эх, судьба моя, судьбина,
до чего же ты строга».
Целовал меня он в очи,
уходил один пахать.
Мать шептала мне: «Сыночек,
Богу с неба все видать.
За великие страданья
он тебе сто крат воздаст».
По ночам её рыданья
слышал я десятки раз.
Но однажды, когда дома
был один я, словно перст,
старичок к нам незнакомый
завернул из дальних мест.
Поздоровался по чину,
по обычью крест поклат.
«Ну-ка, с печки слазь, детина, —
мне приветливо сказал. —
Да подай испить водицы,
уморился больно я,
прыгай на пол, не годится
обижать гостей, Илья».

Спрыгнул я и пешим ходом
за водой пошел во двор.
До чего сладка свобода
ты узнаешь скоро, вор.
Облака плывут по сини,
ветер ластится, как пёс,
даже запахи полыни
были слаще моих слёз.
Возле дома беззаботно
скачет в играх детвора.
Всё здесь любо и вольготно
не ушел бы со двора.
Но бегу я по ступенькам
к гостю с ковшиком воды.
Говорит он мне: «Испей-ка
для начала, братец, ты».
Я ответил: «Чую силу,
чтоб весь мир перевернуть».
Он опять: «Откушай снова.
Что ты чувствуешь сейчас?» —
«На врага пойти готов я». —
«Это значит, в самый раз.
А теперь иди-ка в поле,
где травы цветут шелка,

там увидишь на приволье
вороного стригунка.
Ты его три ночи кряду
выводи на зеленыя
и получишь, как награду,
богатырского коня».
Пал родителям я в ноги,
помолился у лампад
и помчался по дороге
прямоезжей в Киев-град».
Помолчав, Илье ответил
Соловей-головище:
«Много есть чудес на свете,
жизнь – чуднее всех чудес.
Развяжи, Илья, мне руки,
дай, на травке посижу,
а захочешь, на досуге
быль какую расскажу».
Поглядел Илья на небо:
«Время есть, передохнём.
Что ж, давай краюху хлеба
на двоих с тобой сжуём.
Чтобы солнце не сморило,
расскажи былинку, тать,

чай, найдёшь немного силы
меж собой пять слов связать».
«Расскажу про Святогора, –
Соловей начал рассказ, –
как-то он в вечерню пору
заскучал навроде нас.
Заседлав коня, решил он
выйхать в поле погулять,
чтоб померяться с кем силой
иль побить какую рать.
Надо ж силушке излиться,
что таскать её зазря!
Ведь бороться или биться –
радость для богатыря.
Но не всякая затея
исполняется легко:
то соперник заболает,
то живёт он далеко.
«Каб сыскать земную тягу, –
размечтался Святогор, –
я бы землю, как корягу,
затащил бы на бугор.
Вдруг он видит пред собою
переметную суму,

придержал коня уздою:
«Дай её я подниму».
Тронул сумку погонялкой –
не ворохнется она,
будто тронул гору палкой
или пёрышком слона.
Захотел перстом небрежно
приподнять её – не смог,
отдыхает безмятежно
непонятный узелок.
Осерчав, рукой берётся,
на себя всей силой рвет,
но сума не подается
ни назад и ни вперед.
Ухватил двумя руками –
всё опять без перемен,
поднапрягся, словно камень,
поднял сумку до колен.
Но и сам от тяжелой муки
до колен увяз в земле,
вместо пота кровь с натуги
проступила на челе.
Тут и помер русский витязь,
Мать-Земля к себе взяла.

Так что лучше не беритесь
за тяжёлые дела».

«До чего же врать ты скорый, –
богатырь Илья вскричал, –
я ж Егора-Святогора
сам до гроба провожал.
Вышло как-то ненароком
мне попасть к Святым горам.
Вижу, едет недалёко
неизвестный великан.
На его шеломе тучи
мирно спали в вышине,
рос на шее лес дремучий,
пашни были на спине,
по браде струились реки,
обрываясь в водопад.
Ты таких людей вовеки
не встречал, ползучий гад.
Конь взметнулся подо мною.
Припустив его в галоп,
незнакомца булавою,
как тебя, ударил в лоб.
Я хотел его, вестимо,
булавою сбить с коня,

но силач проехал мимо –
ноль вниманья на меня.
Я копьё своё в три пуда
посылаю по врагу,
не ворохнется паскуда
и на это ни гу-гу.
От обиды чуть не плачу,
не таких ведь бил в бою.
Так неужели удачу
растерял уже свою.
Неужели всё, что было
заросло дурной травой?
И, испытывая силу,
дуб я стукнул булавой.
Дуб свалился, как покойник,
до того удар был яр.
Ты, наверное, разбойник,
представляешь мой удар?
Повернул ко мне навстречу
неизвестный здоровяк:
«Ты зачем тут копьё мечешь,
лес ломаешь, как дурак.
Коль другого нет занятия,
предлагаю уговор

жить друг с другом, словно братья,
    посреди Священных гор».
Так мы с ним и побратались,
    обнялись – и будь здоров.
По горам вдвоём мотались,
    позабыв еду и кров.
Наблюдали, как в низины
с белых гор ручьи бегут,
    как деревья-исполины
мирный бег их стерегут,
    как пятнистые олени
ходят днём на водопой,
    припадая на колени,
    умываются водой,
как цветут весною горы,
как зимой чернеет лес, –
    всё у нас со Святогором
    вызывало интерес.
А однажды в дикой чаще,
    в стороне от козьих троп
мы нашли с ним настоящий
в камне выдолбленный гроб.
    Осмотрели, как невесту

любопытный смотрит люд.
И опять нам интересно:
для кого такой приют?
Святогор развеселился:
«Ну к, примерь его, Илья».
Я, понятно, согласился –
не перечу старшим я.
Гроб холодный, словно льдина.
Лег в него я на живот.
«Нет, братишка, домовина
эта мне не подойдет.
И размеры необъятны,
я, как в валенке блоха,
и лежать здесь неприятно,
едем лучше от греха».
Святогор опять смеётся:
«Мелковат ты, мелковат,
вылезай скорей, сдаётся
мне он будет в аккурат».
Лёг он в гроб и, правда, в пору,
словно кто по нём кроил,
захотелось Святогору,
чтобы крышку я прикрыл.
До добра игра такая

нас в тот раз не довела,
крышка к гробу, как живая
в миг единый приросла.
Я, конечно, испугался,
бил её, рубил мечом,
только гроб не открывался,
словно он и ни при чём.
А Егор в гробу молился:
«Поживей, Илья, не стой,
коль не очень утомился,
бей моею булавой».
Я схватил её за ручку,
поднял, тут же опустил.
Нет, тягать такую штучку
не хватало моих сил.
Святогор позвал: «Сквозь щели
дам тебе свою я мощь,
наклонись, тогда на деле
ты сумеешь мне помочь».
Ондохнул. В меня по порам
силы новые вошли.
Поднял меч я Святогора,
словно пёрышко, с земли.
И опять без остановки

гроб дубасил, как умел,
но ни силой, ни сноровкой
я его не одолел.
«Наклонись ещё. Остатки
сил моих тебе отдам». –
«Я и так, Егор, в порядке,
а лишка не надо нам».
«Молодец, что не послушал
ты моих последних слов,
отравил бы твою душу
я дыханьем мертвецов.
Моего коня у гроба
привяжи и уезжай.
Я надеюсь, мы с ним оба
попадём отсюда в рай».
Я уехал и дорогу
потерял в лесной глуши.
С той поры молюсь я Богу
за покой его души. –
Помолчал Илья. – Ну что же
собирайся поскорей.
Нам опаздывать не гоже
в город Киев, Соловей».

* * *

То не волк по лесу рыщет,
не орёл летит домой,
то шагает Иванище
по дороженьке лесной.
Он идёт, беды не зная,
солнцу, ветру, лесу рад,
из заморского из края
прямо в стольный Киев-град.
Знать не знает Иванище,
что пока он там ходил,
здесь поганый Идолище
с ратью Киев осадил.
И теперь к нему прохода
не видать и не слышать:
у поганого народа
без числа, без края рать.
Как увидел Иванище,
что обложен стольный град,
вёрст, наверное, пол-тыщи
он, как пёс, бежал назад.
А навстречу в это время
ехал Муромец Илья,
в сумке вёз он вражье семя —

чуть живого Соловья.

Иванище от испуга
встал, как пень, и задрожал:
то ль врага, а то ли друга
на дороге повстречал.

У Илюши голосище
может мёртвого вспугнуть:
«Как зовёшься?» – «Иванище». –
«А куда ты держишь путь?» –
«Я из дальнего из края
шёл в столицу, где мой дом,
только вижу, рать чужая
возле Киева кольцом.

И ни зверь в него, ни птица
не летят и не идут.

Нам бы тоже схорониться
лучше б было где-то тут».

А Илья: «Снимай одёжу
и давай сюда наряд.

Я каликой перехожей
проберусь в столицу-град.
Сам проверю, кто же правит
в Киев-городе свой бал,
может, надо что поправить,

если дров кто наломал».
И пошёл Илья как нищий
ко Владимиру во двор,
видит, правда, Идолище
там раскинул свой шатёр.
Он гуляет, как в трактире,
водку хлещет с татарвой,
угощает их Владимир
с раскрасавицей женой.
У поганого, как бочки,
раздуваются бока,
по ведру его глоточки,
на жевок по полбыка,
руки, ноги, будто брёвна,
голова, как сена воз.
«Ты куда идешь, деревня? –
задаёт Илье вопрос. –
А пожаловал откуда,
по каким таким делам?»
«Я из муромских-то буду,
Карачарова села».
Идолище удивился:
«Подь сюда, садись со мной.
Говорят, там объявился

богатырь у вас хромой?
Опиши его обличье,
ростом он велик иль мал?»
«В точь как я, твоё величье», —
странник скромно отвечал.
«Ну, такую-то букашку
я смогу одной рукой.
А скажи-ка сколько бражки
выпивает ваш герой,
много ль ест или немножко?»
А Илья ему в ответ:
«Он съедает хлеба крошку,
пьёт глоточек за обед». —
«Вот потеха, вот умора, —
засмеялся снова вор, —
я съедаю хлеба гору,
пива пью по сто ведёр».
А Илья спокойно снова
говорит: «Плохи дела,
у мово отца корова
тоже жоркая была.
И пила она и ела,
а однажды во хлеву,
обожравшись, околела,

разошлась, как есть, по шву.
И тебя, поганый Идол,
в точь такая участь ждет,
правда, если, кто, как гниду,
не задавит наперёд».
С места спрыгнул Идолище,
будто кто его лягнул,
и в Илью кинжал-ножище,
словно молнию, метнул.
Но Илья – мужик бедовый –
увернулся и тотчас
верной палочкой пудовой
врезал Идолу меж глаз.
Ухватив его за ноги,
как дубиной, стал махать
и без чьей-либо подмоги
перебил чужую рать.
Разгромив татар поганых,
он тайком ушёл от всех,
воротив тряпьё Ивану,
обрядился в свой доспех.
«Что ж, Иван, давай обнимем
друга дружку и прощай.
Я боюсь, что князь Владимир

там меня заждался, чай».
А Владимир-князь пирует,
угощает сам гостей,
а особливо балует
он своих богатырей.
Подает вино Добрыне:
«Выпей, славный богатырь,
Ах, какой ты молодчина,
что зашёл ко мне на пир.
Что видал на белом свете,
есть ли в мире чудеса?»
Богатырь ему ответил:
«Посуди об этом сам.
Как-то раз твоим застольем
утомился я сто крат
и решил ещё раз стольный
осмотреть наш Киев-град.
Взял с собой колчан и стрелы,
богатырский крепкий лук.
Солнце плечи мои грело,
будто осенью сюртук.
Птицы весело скакали
по заборам и садам,
а на крышах ворковали

голубки то здесь, то там.
И взяла меня досада,
отчего, не знаю сам,
но стрелу я для охлады
запустил по голубям.
Не скажу, то ль поскользнулся,
то ль стрелял не с той руки,
слава Богу, промахнулся,
уцелели голубки.
Но своё дурное дело
довершила всё ж стрела,
в терем писанный влетела,
перебив все зеркала,
лампы все и всю посуду,
поломав шкафы и стол.
Говорят, обломков груды
завалили напрочь пол.
Убежал я от скандала,
как трусливый мальчуган.
Я не знал, что проживала
в доме девица из панн.
У её отца Игната
званье было – Чёрный лях,
он был очень виноватый

в разных пакостных делах.

Ну, а дочь его Полина
вся в отца пошла, видать,
на людей и на скотину
хворь умела насылатъ.

И меня она поймала,
на костре мой след сожгла,
ворожбой очаровала,
как царица б не смогла.

Загорелось, как лучина,
сердце дьявольским огнём.

Рано утром я к Полине
поспешил, считай, бегом.

Открываю с ходу двери,
в дом влетаю, как стрела,
и глазам своим не верю
на Полинкины дела.

Здесь Содомы и Гоморры,
черти прячутся в углах,
здесь поганой снеди горы,
бабы в шляпах и штанах.

А Полинку средь покоев,
как жену, целует змей,
заболело ретивое,

будто сжал его Кощей.
От подобного позора
я, как зверь, рассвирепел,
изрубить собрался вора,
но немного не успел.
Громко крикнула Полина:
«Не пугайся мужика,
я проклятого Добрыню
превращу сейчас в быка.
Пусть пасётся он на воле
посреди других коров,
я такой жестокой доле
обрекаю дураков».
Подружился я с быками,
принял всё без лишних слов,
траву ел, а вечерами
любовался на коров.
А в столице в это время
всё по-прежнему идет,
мать моя лишь Тимофевна
сына до дому зовет.

А Полинка на гулянках,
по застольям да в пирах
похваляется по пьянке
о своих срамных делах.
Но одна вдова честная
заступилась за меня,
билась с ней, как мы с Дунаем
бились в смерть четыре дня».

Князь Владимир удивился:
«Объясни, Добрыня-свет,
ты зачем с Дунаем бился,
если это не секрет?»

«Тут секрета – шиш не боле, –
говорит Добрыня вновь, –
раз я выйхал в чисто поле,
разогнать по жилам кровь.
Еду день, второй и третий,
только чую, еду зря:
ни врага в пути не встретил,
ни тебе богатыря.

К счастью, вижу недалёко
злат шатёр горит огнём,
подъезжаю я, высоко
буквы вышиты на нём.

Прочитал, как по бумажке:
«Кто приблизится к шатру,
тот погибнет, как букашка,
в пыль ногою изотру».
Богатырскую натуру
надо тонко понимать,
чтобы слов подобных сдуру
на шатрах не вышивать.
Расходился я от злости
на дела и мысли скор,
по земле, как будто кости,
разметал чужой шатер,
а потом, коня стреножив,
лег поспать, мол, наших знай.
Ну, а дальше пусть продолжит
эту быль мой друг Дунай».
Князь к Дунаю обернулся,
сам налил ему вина.
Разговоры не ведутся,
если чарка не полна.
Опрокинул витязь чару
в полведра в единый раз.
«Коли так, закончу старый,
но правдивый наш рассказ.

Как-то еду я с охоты,
солнце греет, как костер,
подъезжаю, вижу кто-то
изурочил мой шатер.

И бесстыдно завалился
тут же спать, совсем как пьянь,
то ль по глупости напился
он чего в такую рань,
иль была еще причина,
чтоб валяться среди травы.

На подобную скотину
мне не жалко булавы.
Размахнулся, что есть мочи,
и остался так стоять,
сонных гадов я не очень
уважаю убивать.

Растолкал его ногою:
«Защищайся, так и быть,
я тебя смертельным боем
собираюсь, парень, бить».

Началась такая свалка,
что едва хватало сил,
я его дубасил палкой,
он меня дубиной бил.

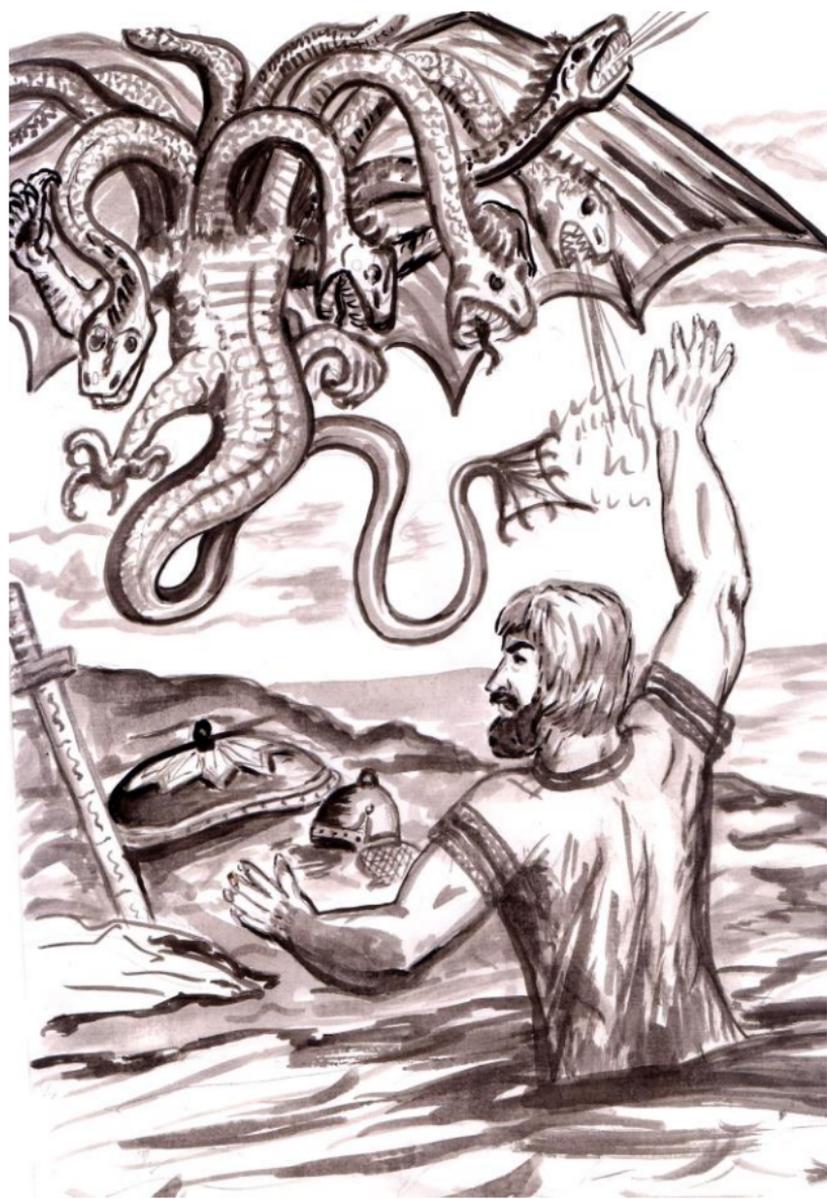
Колотили друга дружку
целый день два дурака,
так сказать, ни за понюшку,
ни за крошку табака.
Надоело в палки биться,
ухватились за мечи,
кровь пускали, как водицу,
мясо рвали, как харчи.
Озверели от азарта,
копьеца пустили в ход,
бьемся день и ночь, как в карты
от безделия народ.
А затем и рукопашный
завязали смертный бой,
распахали землю в пашню
сапогами и собой.
Мы друг другу чистим рожи,
вытираем кровь и пот,
глядь, калика перехожий
по степи сюда идет.
Подошел к нам, беспокойно
осмотрел нас, как зверей.
Говорит он: «Недостойна
битва вас богатырей.

Нет бы, выйти на заставу,
погонять в степи татар,
защитить свою державу,
где страдают мал и стар.
Иль подумать о законе,
чтобы каждому был свят,
как чудесная икона,
как стареющая мать.
Вот за что я вас ругаю,
хоть судить и не берусь,
пусть вас судит Русь святая,
ведь на то она и Русь».
Подружились после битвы
мы с Добрыней навсегда,
но укор тот, как молитву
не забуду никогда».
Зашумела тут дружина:
«Хорошо сказал Дунай,
а теперь давай, Добрыня,
про Полину продолжай».
Говорит в ответ Добрыня:
«Рассказать – не сложный труд,
я закончил, как Полине
за меня по морде бьют.

А она, сбежав с гулянья,
утопив свой стыд в вине,
прилетела на свиданье
птицей быстрою ко мне.
Пела нежно мне и ладно,
все ласкала по спине:
«Обращу тебя обратно,
если женишься на мне».
Обручились, обвенчались
мы с Полинкой под кустом.
Я считаю, что детали
не уместны за столом.
«Вот теперь ты, – говорю я, –
мне законная жена,
первым делом объясню я,
что ты делать не должна.
Не должна дружить со змеем,
шашни с нечистью водить,
но всего, жена, первее
не должна ты больше жить».
Снес ей голову, а туло
на съеденье бросил псам.
Что-то ветром, князь, подуло,
не налить ли чарки нам?»

«Я теперь скажу, – княгиня,
вдруг, вмешалась в разговор, –
мы тебе, мой друг Добрыня,
благодарны до сих пор.
Я б хотела для дружины
быль такую рассказать:
после гибели Полины
змей стал по свету летать.
Икупаться раз Добрыня
захотел в Пучай-реке,
снял доспех он свой и кинул
без присмотра на песке.
Он нырял в прозрачных водах,
рассекал их, как мечом,
любовался он природой
и не думал ни о чём.
Пролетая над долиной,
увидал проклятый змей
безоружного Добрыню
и к реке слетел скорей.
Растворил он рот поганый
шире княжеских ворот
и, как кот возле сметаны,
ожидает свой черёд.

А Добрынюшка Никитич,
не предчувствуя беды,
как могучая ракета,
вылезает из воды.
Змей, слюною истекая,
на Добрыню сделал скок
и, как мышкою играя,
опрокинул на песок.
Но, взлетев стрелы скорее,
богатырь одним броском,
словно смерч, засыпал змею
зенки подлые песком.
И, вскочив на белы груди,
закричал, как гром весной:
«Не тебе, поганой чуде,
силой меряться со мной.
Я тебе за всю Русею,
баб и девок отомщу,
как цыпленку на бок шею
в мах единый сворочу!»
Змей заплакал, как дитяти,
повинясь в неправоте,
и тогда Добрыня татя
отпустил по доброте.

А за волю и свободу
дал ему такой наказ,
чтоб на Русь святую сроду
не казал бесстыжих глаз.
Побожился змей богами,
хоть и нет их у пройдох,
и помчал под облаками,
словно заяц, со всех ног.
Все бы ладно, если б враг
улетел с добром домой.
Но, увы! Как жадный ворон
закружил он над страной.
И ни няньки, ни заставы
не видали, хоть убей,
как племянницу Забаву
утащил из сада змей.
С князем мы совет держали,
пригласив родню и знать,
но, увы, они не знали,
где Забавушку искать.
Вспоминать, и то нет мочи,
пожелать же и врагу
эту долю днем ли ночью
я, ей-богу, не смогу».

Тут заплакала княгиня,
не скрывая мокрых глаз:
«Может лучше ты, Добрыня,
сам закончишь мой рассказ»?
Встал Добрыня, поклонился
князю с честною женой:
«Я б, наверно, удавился
от досады той порой,
если б матушка родная
не сказала мне: «Сынок,
я тебя благословляю
взять с поганого должок.
Без забот и волокиты
поезжай да не робей.
Твой отец силач Никита
тоже бил когда-то змей.
Вот, возьми его платочек,
для коня – тугую плеть,
эти вещи, мой сыночек,
не дадут вам помереть».
Осмотрел я снаряженье,
сел на доброго коня,
и родимое селенье
только видело меня.

Как по небу метеоры,
мчал, не ведая дорог.
Конь леса, моря и горы
пропускал промежду ног.
Прибыл в горы Оскоринны,
где змеиная нора,
запашок идет змеиный,
как с помойного ведра.
На сто вёрст по всей округе
не растут трава и лес,
рыбы, звери и пичуги
убрались из этих мест.
Из норы поганой вылез
трёхголовый змей-дракон,
разом головы завыли
и полезли на рожон.
Началась большая драка,
бились в копья и мечи.
Змей вертелся, как собака,
прыгал выше каланчи,
бил хвостом и рвал зубами,
нападал со всех сторон,
он царапался когтями,
как кошачий эскадрон,

изрыгал он дыма тучи,
море вони и огня.
Он совсем меня измучил
под конец седьмого дня.
Вспомнил тут я про платочек,
что мне матушка дала,
отыскал и вытер очи,
пот и пыль смахнул с чела.
и тотчас былые силы
вновь вошли в меня извне,
будто встал я из могилы
иль повисился в цене.
И ещё прошла неделя,
конь стал падать подо мной,
Никогда за ним доселе
не водился грех такой.
Вспомнил я про плеть отцову,
отыскал – и ну, стегать.
Конь мой тоже, будто новый,
начал по полю скакать,
стал взлетать он выше змея,
бить его исподтишка,
шибанул и я злодея,
изловчившись, свысока.

Завалился брюхом кверху
на поляне он, как пень,
чтоб вокруг его объехать,
я потратил целый день.

А потом еще неделю
на коне в норе скакал,
в закоулках еле-еле
я Забаву отыскал.

Поднял на руки девицу
и помчался без преград
в нашу славную столицу
несравненный Киев-град».

Помолчали все немного,
князь Владимир говорит:
«У меня, друзья, ей-богу,
до сих пор душа болит.

Потому еще подыдем
чаши доброго вина
за дружину, за Добрыню,
за былые времена».

* * *

Потешаются людишки,
смех по городу, как гром,

незнакомый мужичишка
лезет к князю напролом.
Ну, а в княжеских палатах,
как обычно, пир идет,
и, скорей всего, в заплатах
мужика никто не ждет.
Объяснила ему стража,
мужикам, мол, хода нет,
но дурак не слушал даже
этот дружеский совет.
Кулаком, разбив запоры,
въехал он на княжий двор:
«Я приехал не для ссоры,
а на важный разговор».
Оторвавшись от застолья,
крикнул князь, чтоб часовой
гнал старательно и больно
дурачину с глаз долой.
И дворовая дружина
мчит стремглав на этот зов,
но рукой их мужичина
отмахнул, как комаров.
Удивился князь: «Похоже,
мы полезли зря в пузырь».

Кто ты есть, скажи, коль можешь?»

«Я-то? Русский богатырь, –
говорит мужик степенно, –
жил я в муромских краях,
в Карачарове-деревне
звали все меня Илья». –

«А когда, скажи, оставил
мать с отцом своих и дом?» –

«Я заутреннюю правил
нынче в Муроме родном.
Поспешал сюда к обедне,
но чуточек опоздал».

«Не горазд я слушать бредни, –

князь с обидою сказал. –

Или ты, мужик заезжий,
не слыхал про тот секрет,
что дороги прямоезжей
нету в Киев тридцать лет.

Под Черниговом разбила
стан свой вражеская рать,
надо сорок дней, чтоб силу
эту смог ты обскакать.

У Смородины у речки,
чья вода земли черней,

на дубу, словно на печке,
сел разбойник Соловей,
потому и там прохода
по дороге нет прямой.
Для объезда и обхода
надо делать крюк большой».

В свою очередь на князя
разобиделся Илья:
«Под Черниговом-то разве
объезжал поганых я?
Подскакал я к ним и вижу,
что они там у костров
беспричинно и бесстыже
обижают мужиков.

Я мужицкие страданья
не могу не замечать,
словно стадо стал баранье
тех врагов конем топтать,
бить копьем в четыре пуда
и разить своим мечом,
стрелы слать в полет, покуда
не прошёл я на пролом.

А затем у той у речки,
чья вода черней, чем грязь,

Соловья я, как овечку,
изловил попутно, князь».
Засмеялись князь с дружиной:
«Что ж, способен до вранья,
может, хочешь, мужичина,
показать нам Соловья?» –
«На показ запрета нету,
за погляд не просим медь,
не боитесь, коль, на это
можно чудо поглазеть».
Соловья подводят чинно
ближе к князю напоказ
Князь ему: «Твою личину
видел где-то я не раз».
«У отца у Одихмана, –
отвечает Соловей, –
были только мы с Сухманом
сыновья из сыновей.
Я не думаю, что брата
город Киев позабыл.
Ты, Владимир, виноватый,
что недолго он пожил».
Князь Владимир возмутился:
«Я-то в чём здесь виноват?»

Было дело, пир случился,
заскучал на нём твой брат,
Перепились тогда вои,
похвалялись, кто казной,
кто оружием, кто собою,
кто женою молодой.

Попытал я у Сухмана:
«Что же ты не ешь, не пьёшь,
или кто обидел спьяну
иль пустил какую ложь,
или чару не почину
наливал прислужник мой,
иль грызёт печаль-кручина
по девице молодой?»

«Нет, – Сухмантий отвечает, –
мне обиды не к лицу,
любо всё, но я не знаю,
чем похвастать молодцу.

Может, стоит похвалиться,
что о завтрашней поре
привезу я лебедь-птицу
без кровинки на пере?»

Я, понятно, согласился,
мол, приму подарок твой.

Сухомантий помолился
и уехал, как на бой.
Помнишь-нет, в тот год болота
погорели все дотла,
а поэтому охота
никудышная была.
Потому и Сухоману
лебедь-птица не далась,
испугавшись, что обмана
не простит великий князь,
он знакомою тропиной
поскакал к Непре-реке,
чтоб унять печаль-кручину
и не мучаться в тоске.
Подошел Сухман к обрыву,
посмотрел: течёт вода
в пене, мутная, как пиво,
не такая, как всегда.
«Расскажи-ка, сделай милость, —
у реки спросил Сухман, —
что с тобою приключилось,
отчего такой изъян?»
Мать-Непра, плеснув волною,
прошептала возле ног:

«Я великою борьбою
занимаюсь, мой сынок.
К нам идёт большая сила,
покорить святую Русь,
я же путь ей преградила,
день и ночь с той силой бьюсь».
Закипела кровь Сухмана,
как в большом котле вода,
и помчал он на поганых
без раздумий, как всегда.
Вырвав с корнем дуб корявый,
и лупя, как булавой,
он налево и направо
расправлялся с татарвой.
Солнце восемь раз вставало,
всё ж управился Сухман,
хоть и сам в бою немало
получил тяжёлых ран.
Залепив мал-мальски раны
лепестками от цветов,
он назавтра утром рано
возвратился в Киев вновь.
Я его встречаю чинно,
задаю, шутя, вопрос:

«Ты чего же беспричинно
мне лебёдку не принёс?»
Брат твой сильно разъярился,
мне сказал укор большой,
мол, пока я пил, он бился
на Непре-реке с ордой.
Я тут тоже не сдержался,
вот за это виновать,
как пузырь в золе, взорвался,
приказал: ему – молчать,
а моим послушным слугам –
отвести его в подвал,
чтобы там он на досуге
поостыл и поскучал.
А Добрынюшке Никитцу
повелел к Непре скакать,
чтоб узнать у очевидцев
про погубленную рать.
Через день, а может, боле
воротился мой гонец,
говорит, что в чистом поле
есть начало и конец,
но погубленной там рати
нет начала, нет конца,

не бахвалился Сухмантий,
зря мы прячем молодца.
Я велел позвать героя,
чтоб вину свою признать,
чтобы милостью большою
за добро ему воздать.
Но не вышел из подвала,
разобидевшись, Сухман,
там и смерть его застала
от не вылеченных ран.
Мы с дружиной не хотели
обижать его зазря.
Ты подумай, шутка ль в деле
потерять богатыря. –
И добавил князь, – Ну, что же,
можешь силушкой своей
побахвалиться ты тоже,
Одихмантьев Соловей.
Закричи-ка два-три раза,
шип пусти-ка, как змея».
«На подобные приказы
наплевать хотел бы я.
А тебя, Владимир-княже,
со дружиною твоей

и за деньги не уважу», –
отвечает Соловей.

«Это что за разговоры? –
разозлясь, вскричал Илья, –
я ж тебя без приговора
ощиплю, как воробья.

Ну-ка, свистни, птах, в полсилы,
зашипи-ка, змей, чуть-чуть.
Да не вздумай, вражья сила,
ненароком обмануть».

Соловей вздохнул с натугой
и пустил свой полный шип.

Люди падали с испуга,
как листва с дубов и лип.
С теремов слетели наземь
зеркала и хрустали,
от подобных безобразий
утонуло всё в пыли.

Соловей набычил шею,
своему злодейству рад,
свист соловий, не жалея,
он пустил на Киев-град.
Полетели в воздух крыши,
покачнулись теремки,

много маленьких домишек
развалилось на куски.
А большие покосило,
словно русских мужиков
косит пагубная сила
возле царских кабаков.
«С дураком всегда морока, –
проворчал Илья, – хоть плачь,
мало, коль, моих уроков.
учит пусть тебя палач».

* * *

Как гласит о том преданье,
князь с княгинею своей
пригласили на гулянье
вновь своих богатырей.
Усадили их по чину,
кто знатней – в углу большом,
а заезжей мужичине
нету места за столом.
Говорит ему Владимир:
«Ты не князь и не посол,
сядь с холопьями моими
в ряд один за нижний стол».

Не слюбилось это слово,
разобиделся Илья:
«Я, Владимир, не готовый
пировать средь воронья.
И своё позорить имя
не позволю, так и знай,
если хочешь, князь Владимир,
сам с холопьями гуляй».

«Отрубить башку мужлану, –
закричал в запале князь, –
что застыли, как болваны,
иль не поняли приказ?»

Подбежали два вояки,
ухватились за Илью.
«Ах вы, подлые собаки,
я ж соплёй вас перебью».

Щёлкнув их слегка перстами,
словно палкой, выбил дух.
«Не замай, клянусь богами,
всем наставлю оплеух».

Тут ещё рванулись вои
выполнять дурной приказ,
кулаком, как булавою,
бил Илья им промеж глаз,

и давил их, как букашек,
и прихлопывал, как моль:
«Цыц, на место, мать вашу, —
кликнул уличную голь, —
забирайте всё, что надо,
и идём гулять в кабак.
Князь вином из винограда
угощает вас за так.
Пейте все и веселитесь,
с вами буду пить и я,
не холуй, а русский витязь
по прозванию Илья».
Два подвыпивших соседа
попросили у Ильи:
«Ты бы что-нибудь поведал
про скитания свои.
Мы послушаем в два уха
про бытё богатырей,
а не то живём мы глухо
без особых новостей».
«Для отказа нет причины, —
говорит в ответ Илья, —
еду раз через трясины
мимо грязного ручья,

выбираюсь по тропинке
на неведомый пустырь,
вижу, словно на картинке,
камень вырос Алатырь.

Ничего ещё не зная,
подъезжаю, вот те на,
будто в Библии читаю
русским слогом письма:
«Кто отсель пойдёт налево,
тот убитым может быть,
кто направо – красну деву
будет до смерти любить.
Кто пойдёт от камня прямо,
станет, словно царь, богат».

Еду влево, по ухабам
кости русские лежат.
День прошёл, а может боле,
признаюсь, не примечал.
Я людей разбойных в поле
тысяч сорок повстречал.
Атаман, меня приметив,
закричал своим дружкам:
«Ну-ка, молодцы, приветим
подстойней мужика.

Забирай его скотину,
да давай сюда наряд,
самого – живьём в трясиину,
пусть пиявки поедят».

«Коли так, – я этим гнидам
отвечал, – я вас побью
не за личную обиду,
а за Родину свою».

Я учил предельно строго:
булавой по черепам,
как махну рукой – дорога,
отмахну назад – тропа.

Так без чести и без славы
обрели бандиты смерть.

Ну, а я поехал вправо,
красну девицу смотреть.

Ехал долго, хоть и споро,
всё ж приехал, наконец.

Вижу издали, как гору,
белокаменный дворец.

Крыша золотом покрыта,
двери все из серебра.

Я – мужик, хотя и битый,
не видал столько добра.

Слуги радостно встречают,
честь, как надо, отдают,
всё Иваныч величают,
славы разные поют.

И меня ведут гурьбою,
как невесту под фатой.
Я доволен встречей тою,
как дурак самим собой.

А увидев красну деву,
приняв жаркий поцелуй,
так и замер с перегрева,
словно каменный статуй.

А вокруг уже веселье:
пляски, музыка, как гром,
подаёт хмельное зелье
девка с голым животом.
Исполняет все желанья.
кормит, как дитя, из рук,
от подобного вниманья
голова вскружилась вкруг.
Красна дева, видно, тоже
разгорается в огне,
только чувствую тревожить
что-то сердце стало мне.

Отшатнулся от девицы,
поднял кверху я глаза,
чтоб хоть в мыслях помолиться
на святые образа.

По стенам глазами шарю,
Боже, нету здесь икон.
Вмиг с меня свалились чары,
как дурной и глупый сон.

Вижу: я сижу в амбаре
на полу, как есть в пыли,
а вокруг свиные хари
и срамные кобели.

А со мною сука рядом
скалит жёлтые клыки.

Я мечом исчадьде ада
изрубил, считай, в куски.

И поехал той тропею,
где меня богатство ждёт,
и, действительно, не скрою,
поимел я там доход.

Отыскал в лесу два клада
и отдал их мужикам.

Ну, зачем, скажите, надо
злато нам, богатырям?

А потом на камне ясно
написал по-русски я:
«Все дороги безопасны.
Подпись, Муромец Илья».
В это время князь ярился,
посылал Илью искать:
«Пусть мужик бы повинился,
не ему меня пугать».
И тотчас же доброхоты
принесли, как в туеске,
весть о том, что анекдоты
травит витязь в кабаке.
Князь позвал к себе Добрыню:
«Ты сходи, мой друг, в кабак
и доставь нам мужичину
по возможности без драк.
Я хотел послать Алёшу,
но уж больно он горяч
и устраивать дебоши
любит, как и тот силач,
понаварят горькой бражки,
за год мне не перепить,
про Алёшины замашки
можно много говорить.

Помнишь, нет ли, змей Тугарин
город Киев ввёл в раззор?
Я тогда от этой твари
поимел большой позор.
Отвернулись, видно, боги,
коль на всей земле своей
не нашел я для подмоги
никаких богатырей.
Вот однажды для обеда
сели мы за верхний стол,
немудрёную беседу
я с княгинею завёл.
Вдруг, заходит без доклада
незнакомый здоровяк,
отдаёт поклон, как надо.
крест кладёт не просто так.
Я его, само собою,
расспросил про мать с отцом,
про домашние устои
и о многом о другом.
Обращаюсь с ним учтиво,
приглашаю к нам за стол
на вино, на княжье пиво
и на прочий разносол.

И по чину, и по ладу
предлагаю ему сесть
насупротив или рядом,
или там, где место есть.
Он отвёл себе местечко,
хоть, видать, не дипломат,
в уголочке возле печки,
где бояре не сидят.
Тут поганый змей Тугарин
тоже в горницу вошёл,
заорал, как на пожаре,
и полез ко мне за стол.
Сел поганая скотина
между мною и женой
и с испуганной княгиней
разговор повёл срамной.
Стыдно мне и неприятно,
но не лезу в разговор,
потому как змей проклятый
на расправу больно скор.
Лишь Алёша-забияка
в полный голос говорит:
«Это что там за собака
с нашей матерью хамит?»

Подают второе блюдо –
лебедей на вертелах –
заглотил их чудо-юдо
за единый замах,
а затем на дармовщину
ухватил большой пирог.
Я молчал, словно дубина,
а Алёшенька не смог.
«У родителя собака, –
говорит он змею вслух, –
ела много, но, однако,
испустила всё же дух.
А ещё была корова,
тоже целый день жрала,
от усердия такого,
говорят, и померла.
И тебя, как мне сдаётся,
той скотины участь ждёт,
правда, если не найдётся,
кто задавит наперёд».
Змей рванулся из застолья,
потолок, задев башкой:
«Вызываю в чисто поле
я тебя, щенок, на бой».

А Алёшенька поспешно
говорит, мол, я готов
бить тебя за безутешных
сирот киевских и вдов.
За великую княгиню
и за княжескую честь
поднести тебе гостинец
у меня желанье есть.
Помолился перед боем
у старинных образов,
из оружия взял с собою
только плётку в семь концов.
В поле былъ, как небылица:
на крылатом змей коне
над Алёшей стал кружиться,
словно коршун в вышине,
и кидать в Алёшу стрелы,
бить наотмашь булавой.
У меня душа болела,
наблюдая этот бой.
Начал я тогда молиться,
и услышал Бог меня,
повелев дождю пролиться
на крылатого коня.

И тотчас повисли крылья
у коня от мокроты
и, как какушка кобыля,
он свалился с высоты.
Подскочил Алёша к змею,
в миг один и сгоряча
плетью страшною злодея
бил, как следует с плеча.
Эта драка и поныне
ум и сердце холодит,
так что лучше уж, Добрыня,
за Ильёю ты сходи».
В кабаке в хмелю лежала
голь кабацкая вповал,
а Илья – мужик бывалый
сам с собою выпивал.
Усадил за стол Добрыню,
приказал вина подать,
говорит: «Давай отныне
друга дружку уважать,
чтобы вражьи притязанья
или княжеская власть
о великое братанье
разбивались всякий раз.

Станем во поле дозором,
пусть союз наш защитит
Русь святую от разора,
унижений и обид».

И помчали на заставы
из столичного гнезда
кто – налево, кто – направо,
кто – неведомо куда.

В это время на столицу
двинул войско Калин-царь,
чтобы золотом разжиться,
поразбойничать, как встарь,
посрамить святую веру,
храмы древние пожечь,
князя выслать на галеры,
мужиков чуть-чуть посечь,
а Апраксию-княгиню
взять наложницей в гарем,
потому как царь Калинин
заскучал без баб совсем.

Мчится, словно тур могучий,
богатырь и день, и ночь
по полям, лесам дремучим,
чтобы Киеву помочь.

Скачет с горочки на гору,
    смотрит он туда-сюда,
    и куда хватает взора –
        всюду вражия орда.
Нет названья ей и счёта,
    нет начала и конца.
    «Будет жаркая работа, –
богатырь сказал в сердцах. –
Жаль, что нет со мной дружины,
    нету преданных друзей:
    ни Алёши, ни Добрыни,
    ни других богатырей.
Хоть бы весточку какую
им послать бы, но куда?
Где они сейчас кочуют,
    в лесах или городах?»
Мчит Илья, не отдыхая,
    скачет он во весь опор,
вдруг, за речкой замечает
богатырский злат шатер;
    придержал коня уздою.
глянул вдаль из-под руки:
чайки плачут над водою,
    словно в горе старики;

волны мечутся сердито,
бьются в берег на ходу,
в точь как в землю бьёт копытом
конь, сердчая на узду.
Богатырь коня за ухом
тронул плёточкой слегка,
тот взлетел лебяжьим пухом
с седоком под облака.
Но уже через минуту
у шатра звенит уздой,
богатырь заходит внутрь,
видит, пир идёт горой.
Ходит чашечка по кругу,
как в Руси заведено,
подливают в неё слуги
старорусское вино.
В разговорах полупьяных
время тянется, как сон,
словно нечистью поганой
Киев-град не окружён.
Как товарища и друга,
в круг зовёт Илью Дунай,
мол, снимай шелом, кольчугу,
чашу с нами поднимай,

будем пить и веселиться,
хватит бед, мол, и побед.
«Так, ребята, не годится, –
говорит Илья в ответ, –
ведь опять пришло в Русию
горе горькое, как встарь,
осадил несчастный Киев
беспощадный Калин-царь.
Похваляется столицу
разнести он в пух и прах,
чтобы золотом разжиться.
поразбойничать в домах,
посрамить святую веру.
храмы древние пожечь,
князя, словно браконьера
иль разбойника, посечь,
а Апраксию-княгиню
взять наложницей в гарем.
Я считаю, царь Калинин
обнаглел уже совсем.
Опускайте свои чаши,
приглашаю вас с собой
за отечество за наше
на святой и честный бой».

«Не пойдём с тобой, Илюша, –
говорят богатыри, –
не тревожь ты наши души,
за отказ не укори.

А Владимир с Апраксией
пострадают пусть хоть раз
за народ да за Русию
да немножечко за нас.

Мы и так всю жизнь в походах
то пешочком, то в седле.
а едим лишь хлеб да воду,
спим, как волки, на земле.

Но зато дружина князя
сладко ест и мягко спит.

Раз она гулять горазда
пусть за Киев и стоит».

«Что ж, – сказал Илья сердито, –
с вами кашу не сварить,
не хотите – не ходите,
буду сам поганых бить».

И пошла такая сеча,
что пером не описать,
конь с разбега начал нечисть.
как траву в степи, топтать.

А Илья, как смерть косою,
косит ворогов мечом,
поведёт вперёд рукою,
кровь за ней бежит ручьём.

Отмахнет назад и речка
устремляется вослед
и ни сбоя, ни осечки
богатырской силе нет.

Но чем дольше длится драка,
тем сильнее лютеет враг,
не отходит царь-собака
со щенками ни на шаг.

А потом и вовсе стали
заступать герою путь.

Наконец, Илья устало
отступил назад чуть-чуть.

Взял стрелу свою в полпуда,
в лук могучий заложил
и в порядке самосуда
в злат шатёр её пустил.

Долго нет, она летала,
всё же цель свою нашла,
посреди шатра упала
недалёко от стола.

И Дунай стрелу в полпуда
подаёт своим друзьям:
«Ой, ребята, чую худо,
погибает, знать, Илья.
Опускайте свои чаши
и скачите вслед за мной
за Илью, за дружбу нашу
на святой и честный бой».
То не зверь кричит от боли,
не грохочет в небе гром,
то к Илье по чисту полю
мчится помощь прямиком.
Кто мечом, а кто булавой
так насели на врага,
что татары всей оравой
приударили в бега.
А покончив дело с ратью,
повернув коней назад,
поскакали дружно братья
к князю в гости в Киев-град.
По обычью и по чину
князь их дома привечал,
приглашал служить в дружину,
милость княжью обещал.

«Что ж, – сказал Илья, – коль надо,
можно будет послужить,
только милость и награды
мне не надобно сулить».
И Добрыня согласился,
а за ним Потык Михей,
он пока ещё учился
мастерству богатырей.
Но уже был славный малый,
шёл без страха на врагов
и нередко в битве правой
оставлял их без рогов.
У Владимира заданья
есть для всех богатырей:
«Надо выходы и дани
взять с подвластных областей.
Пусть Илья в Орду Большую
начинает свой поход,
а Добрыня – в Золотую
грозной силою идёт,
а Михайло, хоть и молод, –
во Подольские края,
потому как этот город
мне не платит ни копыя.

Как-то ездил в край тот дальний
со дружиной князь Вольга,
разживиться думал данью,
да не вышло ни фи́га.

Близко, нет ли, то в секрете
князь от нас держать велит,
он оратая приметил
неказистого на вид.

Тот неспешно правит дело:
борозду сохой ведёт,
да так ладно и умело,
зависть, прям-таки, берёт.

Припустил Вольга вдогонку,
день и ночь в степи скакал,
но лишь утром мужичонку
на краю земли догнал.

Поздоровался, как надо,
разговор повёл, как мог:
«Пусть тебя, ратай, наградой
наградит великий Бог,
пусть тебе пахать поможет,
даст ядрёного зерна».

«Вот, спасибо, помощь божья
мне крестьянствовать нужна.
Ну, а ты с войной иль миром,
на гулянье или брань?»

Говорит Вольга: «Владимир
приказал собрать мне дань
с городов со всех и весей,
где живёт богатый люд,
соберу я дани если,
будет слава мне за труд».

«Я на этой на неделе, –
мужичонка говорит, –
был в Подольске, так доселе
голова о том болит.

Там лишь воры да злодеи,
всяк стремится обобрать.

Я об этом разумею:
не напашешься на рать,
на разбойничьи забавы
не накопишь никогда,
не советую, Вольга, вам
ездить в эти города».

«Может, ты пойдёшь в дружину,
вместе выиграем бой?» –

Тот ответил: «Селянину
лестно рядом быть с тобой».
Выпряг он свою лошадку,
сел в черкасское седло,
видно было по ухваткам,
что мужик хитёр зело.
Лишь отъехали немного,
он Вольге и говорит,
что соха, мол, на дороге
неприбрата лежит,
пусть твои, мол, сходят вои,
приберут её куда,
нынче время воровское
не случилась бы беда.
Отзвенят мечи и снова
землю стану я пахать,
а соха – всему основа:
и кормилица, и мать.
Побежали два вояки,
чтоб соху убрать с земли,
как ни мучались, однако,
сдвинуть с места не могли.
Князь над воями смеётся
и ещё подмогу шлёт,

но соха не подаётся
ни назад и ни вперёд.
Всей дружиной навалились,
кто тянуть её, кто рвать,
всё напрасно, как ни бились,
не столкнули ни на пядь.
Прочитал мужик молитву,
взял соху одной рукой
и закинул в куст ракитный
с глаз завистливых долой.
«А теперь, – Вольге оратай
говорит, – имей в виду,
что ни так и ни за плату
я с тобою не пойду.
Не к душе твоя дружина,
не бойцы, а мошкара,
с этой шайкой на чужбине
не отыщешь ты добра.
Да и я другой породы,
деревенской матки сын,
оттого меня в народе
называют селянин.
Знают все меня в Русее
не за силу, не за род,

а за то, что хлеб я сею
и кормлю честной народ».
Князь на это подивился,
погонял в затылке вшей
и обратно воротился,
не поев подольских щей.
Так что княжию науку
вспоминает пусть Потык,
там отвесить оплеуху
может и простой мужик».

* * *

Лишь на башнях засверкали
блики солнечных лучей,
как из города помчали
кони трёх богатырей.
В тот же день в Орду Большую
прибыл Муромец Илья,
дань собрал и мировую
пил с ордынцами три дня.
Через десять дней Добрыня
в Золотой Орде стоял,
без волынки и замина
дани-выходы собрал.

Чуть попозже дело княжье
также выполнил Потык,
перебил он племя вражье,
кому надо сделал втык.
Завершив свой день рабочий,
вышел к речке, побродить,
потому как был охочий
гуся-лебедя убить.
Видит, плещется в водице
лебедь белая одна.
Стал Михайло целить в птицу –
потекла вожжой слюна.
Размечтавшись об обеде,
позамешкался на миг,
говорит тут белый лебедь:
«Не стреляй меня, Потык,
удивишься ты, наверно,
но совсем не птица я,
а Мария-королевна,
дочка здешнего царя.
Забери меня с собою,
в город Киев увези,
стану я тебе женою
самой верной на Руси».

Обнял витязь подолянку,
посильней к груди прижал
и, горя как от испанки,
в Киев девицу помчал.
Ко Владимиру явился,
просит: «Князь, благослови,
я б вовеки не женился
без великой без любви.
Хочет искренне Мария
веру нашу перенять».
Князь вздохнул: «Грехи большие,
нет бы малость подождать,
чтобы не было оплошки,
не случилась, чтоб беда.
Ведь любовь, чай, не картошка
уродится хоть когда».
Но напрасно князь старался,
в помощь звал зазря друзей,
всё ж Михайло обвенчался
с королевичной своей.
Сделал заповедь большую
с ней Михайло: кто вперёд
в землю ляжет во сырую,
то есть попросту помрёт,

будет с почестью обряжен,
похоронен, а другой
сторожить его обязан
три недели под землёй.
Весть об этом уговоре
подивила местный люд,
а Михайле выпал вскоре
волей княжей новый труд.
Говорит князь: «Много даней
задолжал я Бухарю,
чтоб не лезли басурмане,
отвези-ка дань царю».
На дела и мысли скорый
мчал Михайло без дорог.
Конь леса, моря и горы
пропускал промежду ног.
И уже через неделю
был Потык у Бухаря,
поклонился еле-еле,
разобидев чем царя,
и сказал: «Везу я много
от Владимира даров,
жаль, обоз отстал в дороге
из-за всяких пустяков.

Все же, царь, готовься к встрече.
затевай скорей пиры,
утром или же под вечер
отдадим тебе дары».

Царь Бухарь развеселился,
чай велел подать с халвой:
«Может, мы пока сразимся
в шашки-шахматы с тобой?»
А Потык: «Чем бить баклуши,
лучше в шахматы игра,
ставлю на кон свою душу,
раз другого нет добра».
«Ну, а я поставлю дани», -
отвечает ему царь.

Бились долго со стараньем,
обыграл посла Бухарь.
И давай он веселиться
и плечами пожимать:
«Надо нам ещё сразиться
на жену твою и мать».
И с ухмылкой на роже
изо всех поганых сил
он хитрил, мудрил, но всё же
отыгрался Михаил.

Одурел царь от азарта:
«Ставлю в третий раз на кон
всё бухаревское царство
и бухаревский свой трон».
И опять, как ни старался,
царь продулся в пух и прах.
Говорит Потык: «Остался,
видно, царь, ты на бобах.
Потому слезай-ка с трона,
от дворца ключи давай,
раз прокаркал, как ворона,
сдуру свой родимый край».
В это время стук в ворота
раздаётся, словно гром,
сразу видно, лупит кто-то
богатырским кулаком.
Оказалось – то Добрыня
двери царские разнёс,
говорит Михайле: «Ныне
весть дурную я принёс.
Марья-лебедь королевна
всем законам вопреки
умерла вчера, наверно,
от печали и тоски».

Михаил, примчав в столицу,
приготовил гроб такой,
чтоб могли в нём поместиться
он с красавицей женой.

Уложил питья и снеди
на положенный на срок,
знает пусть Мария-лебедь,
что Потык блюдёт зарок.
Попрощался он с Добрыней,
с князем, с Муромцем Ильёй

и остался в домовине
с подолянкой под землёй.
Засветил он божьи свечи,
призадумался на миг,
вдруг, раздался издалече
непонятный шум и рык.

И неведомая сила
разнесла на щепки гроб,
змей поганый к Михаилу
скачет, словно конь в галоп.

Растворил он шире двери
огнедышащую пасть,
увидав такого зверя,
можно в обморок упасть.

Михаил – мужик не промах,
не таких, как мух, давил,
увернулся и за хобот
змея намертво схватил.
Плёткой страшной для остуды
ну, бока ему ломать:
«Кто учил тебя, паскуда,
женщин мёртвых воровать?»
Змей завыл, как волчья стая,
скис от боли и размяк:
«Расскажу я всё, что знаю,
помогу тебе за так.
Сознаюсь, беру с собою
женщин умерших домой,
там обычно их живую
оживляю я водой.
И они со мной, как с мужем,
жизнь живут помногу лет,
правда, тех, кого похуже,
я съедаю на обед.
Отпусти меня, Михайло
свет Иванович Потык,
я тебе водички тайной
притащу в единый миг.

Оживишь свою подругу,
выйдешь вновь на белый свет.
Для влюблённого супруга
предложенья лучше нет».

Удивляется столица:
под землёй и шум, и крик,
видно, жить в гробу боится
захороненный Потык.

Раскопали враз могилу,
и восстали пред толпой
Михаил в красе силе
с раскрасавицей женой.

Полилось вино рекою,
и на радости такой
князь Владимир своих воев
угощал за счёт за свой.

Каждый честный горожанин,
как в былые времена,
получил кто рупь, кто пряник.
а кто рюмочку вина.

Всё бы ладно, но покоя
не дают враги опять.
Дело ратное такое –
Русь святую охранять.

Стали вновь в степи дозором
от зари и до зари
на погибель псам и ворам,
как один, богатыри.
Как-то видят, скачет воин
во шеломе и с копьём.
Говорит Потык: «Такого
непрременно мы побьём».
Размахнулся, стукнул яро,
как гроза по деревьям,
и врага одним ударом
разрубил он пополам.
Но из каждой половины
встали новые враги.
Их ударил сам Добрыня –
только брызнули мозги.
А из новых половинок
стали воины опять,
и к обеду без заминок
собралась поганых рать.
Долго витязи рубили,
сна не ведая, врагов,
от усталости валились,
подымались, бились вновь.

Только силилась та сила,
разрасталась, шла на бой,
и защитники взмолились,
наконец, большой мольбой.

Говорит Илья Сварогу:
«Ну, какой ты бог, к чертям,
коль не видишь, что подмогу
надо русичам и нам».

Отвечает бог: «Я с вами,
вы же встаньте на пути
рати вражеской горами,
по которым не пройти
ни верхом, ни пешим ходом,
закажите навсегда

чужеземному народу
путь с оружием сюда».

И поднялись к небу скалы
богатырской чередой.

Много лет с тех пор промчалось
неустанною водой.

Но хранит в веках Русея
в цепкой памяти своей,
как оружие в музеях,
имена богатырей.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ БЫЛИННЫХ ИМЁН

Алёша Попович – русский богатырь.

Добрыня Никитич – русский богатырь.

Иванище – здесь: нищий, прохожий, странник.

Идол, Идолище – былинный завоеватель Руси.

Илья Муромец – русский богатырь.

Михаил Потык – русский богатырь.

Одихмант – здесь: отец богатырей

Соловья-разбойника и Сухмана.

Сварог – верховный бог восточных славян.

Святогор – старейший русский богатырь.

Соловей-разбойник – богатырь,

противник русских богатырей.

Сухман (Сухоман, Сухмантий) – русский богатырь.

Тугарин – злой богатырь в русских былинах.

Юлия Санина – художник из города
Тирасполь, столицы Приднестровской
Молдавской Республики –
любезно согласилась проиллюстрировать
поэму «Богатыри».

Это её первый опыт работы по
оформлению книги. Насколько это удалось
художнику, судить вам, дорогие читатели.